

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ МИР

5

ЧЕТВЕРТАЯ МАГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

323

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ШТИЛЬ

617

НОВЫЙ МИР

Пролог

Жизнь иногда может делать весьма неожиданные повороты. На прошлой неделе у тебя было все: любящие родители, которым хватало денег, чтобы регулярно баловать сына подарками; заботливый и опекающий старший брат; репутация двукратного победителя в молодежных соревнованиях по дзюдо... Место на втором курсе престижного вуза, по праву заработанное собственным интеллектом. Крепкое здоровье, лишь иногда омрачаемое периодическими простудами или расстройствами желудка после немытых фруктов. А сейчас осталась только больничная палата и не успевшая толком запылиться фотография семьи на тумбочке. И рядышком еще одна — с морильными плитами, на которых выбиты такие знакомые имена.

Олег не смог сдержать в очередной раз нахлынувших на него слез и вцепился зубами в подушку, чтобы его рев не будил других обитателей палаты. Нет, на сон посторонних людей парню было в общем-то плевать... Но прошлый раз, когда тихие всхлипывания разбудили одного из соседей, лежащий напротив стариk заткнул источник посторонних звуков подушкой. И держал ее на лице враз осиротевшего юноши достаточно долго, чтобы тот почти успел задохнуться.

Визит в парк развлечений, где свихнувшиеся на чувстве собственной избранности придурики устроили теракт, разделил его жизнь на «до» и «после». Взрыв убил родных и перечеркнул собственную судьбу парня раз и навсегда. Нельзя жить, если парализовано все ниже плеч, сломан позвоночник, а к заменяющему почки аппарату тебя возят по расписанию один раз в два дня. Только существовать. Плохо, недолго и вместе с такими же безнадежными больными, лишь более везучими. Они хотя бы нос сами почесать могут. Или взяточно поговорить с родственниками, друзьями, врачами... Попавший под взрыв Олег практически откусил себе язык и временно потерял способность к членораздельному общению. Он даже не мог пожаловаться на вредного старика, регулярно кроющего его матом по надуманным поводам и однажды чуть не убившего его. И парень

серъезно опасался, что так и не успеет высказать дряхлому подонку в лицо все желаемое. Состояние Олега медленно ухудшалось. И происходило это куда быстрее, чем подживал едва не откушенный на-прочь и пришибтый обратно хирургами язык.

Внезапно объект его неприязни заворочался на больничной койке и сел, откинув запятнанное чем-то одеяло. Олег приготовился нечленораздельно заорать изо всех оставшихся сил, если вредный пенсионер сделает хоть шаг в его сторону. Однако старику было не до соседей. Он достал из находящейся рядом с кроватью тумбочки небольшую икону, положил ее себе на колени и что-то неразборчиво забубнил. Парень мог разобрать лишь отдельные слова, такие, как «гной», «кал», «раб». Видимо, старик выспался и решил, что настало уже самое время для его ежедневной утренней молитвы. Бормотание втекало в уши, словно неимоверно громкий и раздражающий комариный зуд. Третий и последний обитатель палаты, мужчина лет сорока с очень бледным лицом, заворочался на своей постели и поднял голову. Очевидно, его сон оказался прерван этим своеобразным будильником. Парень облизал растрескавшиеся губы и неожиданно понял, что он очень хочет пить.

— Позовите врача! — постарался сказать Олег максимально внимательно, но получилось у него лишь нечто вроде «Авты афа!». К тому же достаточно тихое и малоотличимое от шепота. Впрочем, внимание молящегося старика этот звук все-таки привлек. А вот тот, к кому и обращался больной, просто улегся обратно на постель, перевернулся на другой бок и опять уснул.

— Очнулся, гаденыш беспутный! Ну, чего ты на меня зенки свои бесстыжие таращишь? Небось, когда здоровый был, девок направо и налево охаживал, дрянь всякую пил, в свальном грехе участвовал! За грехи Господь наказал тебя! Молись! — старик прервал свои воззвания к высшим силам и проворно соскочил с койки.

Олег не знал, почему этот пенсионер находится в одном помещении с теми, кого только-только перевели из реанимации. Но подозревал, что дело вредного стариана просто перепутали с бумагами какого-нибудь бедолаги. Уж больно резво тот носился для почти умирающего и слишком активно приставал с разными бредовыми поучениями ко всем, кому не повезло оказаться в зоне его досягаемости.

— Молись, паскуда, и чти Господа нашего! Н-на тебе! Н-на! Проси Всевышнего о помиловании грехов своих! Да че ты гrimасничашь, мерзавец?! Не смей отворачиваться, когда я тебя уму-разуму учу!

— Ава! Уы! — только и сказал Олег, когда окончательно свихнувшийся старик принялся бить его своей иконой по губам. В ори-

гиальном звучании это должно было звучать как «Сука! Уйди!», но проблемы с речью у парня так никуда и не исчезли. Впрочем, после пятого или шестого хлопка старик утомился и ушел обратно на свою кровать, бурча что-то о свальном грехе и распутницах. Скорее всего, он вспоминал собственную молодость, поскольку парень об оргиях имел лишь самое общее теоретическое представление. Да он себе даже одной-единственной девушки как-то еще не завел. Думал, что все успеет. Ошибался.

«Ненавижу, как я вас всех ненавижу! — мысленно орал во все горло парень, от усталости и общей слабости проваливаясь не то в сон, не то в болезненный обморок. Не имеющие выхода боль, злость и страх перемешались между собой и образовали гремучий коктейль, названия которому не нашлось бы ни в одном языке. Если бы не неподвижность тела, Олег уже трясясь бы в припадке. Или скорее причинял тяжкие телесные повреждения опять принявшемуся бормотать молитвы старику, даже не догадывающемуся, в какой опасности он находится. — Маразматик! Ханжа! Тварь! Да чтоб ты провалился! Вместе с террористами! Одним миром мазаны, сволочи! Если ваш бог все-таки есть и он таков, каким вы его представляете, то лучше бы его не было! Да я демонам душу даром отдаю, лишь бы к нему не идти! Они хоть не скрывают, что конченые мрази и хотят вас поиметь во всех позах!»

Олег не знал, сколько длилась его истерики, в которой он одновременно хулил все высшие силы разом и просил о помощи непонятно кого. Потерявшему возможность двигаться и говорить инвалиду просто не оставалось ничего другого, как плакать и бросаться в пустоту бессмысленными обвинениями и мольбами. Лишь через како-е-то время к его полной неожиданности из ниоткуда пришел ответ, прозвучавший в голове набатом:

— Хм... А ты мне, пожалуй, подойдешь. — Голос, которым это было сказано, Олегу сразу не понравился. Высокомерный, самодовольный, холодный и злой. Его неведомому пока обладателю стоило киношных злодеев играть. Ну или хотя бы озвучивать. Впрочем, с такими вокальными данными даже самому безобидно выглядящему типу удалось бы произвести впечатление кровожадного маньяка.

«Кто вы?» — осторожно спросил Олег голос в своей голове и на всякий случай постарался повторить вопрос вслух. Впрочем, у него это все равно не получилось. Однако он оказался услышан. И даже понят. На фоне неудачных попыток общения последних дней данный факт не мог не радовать.

— А это важно? — Тон неведомого собеседника сложно было назвать приятным или даже терпимым. — Ты звал такие силы, которых смертным даже в кошмарах видеть не особо желательно. И обещал пойти на все, лишь бы тебе помогли. Я услышал, пусть и чисто случайно. Так согласен ли ты на то, чтобы мной оказалась изменена твоя судьба?

«В принципе — да, но...» — Мысли метались в голове инвалида, пытающегося сообразить, действительно он слышит чей-то голос, или у него попросту началась шизофрения. Однако, судя по всему, единственному собеседнику хватило и такого неуверенного согласия. А поставить какие-либо дополнительные условия парень просто не успел, поскольку пришла боль. Ослепляющая, оглушающая, занимающая собой весь мир. Сначала она была одной, потом другой... Калейдоскоп воистину незабываемых ощущений менялся и менялся, показывая все новые грани агонии.

— А-а-а-а! — Парень кричал и кричал, даже не думая останавливаться. Воздух в легких не кончался. Ведь у него теперь не было легких.

Когда боль прекратилась, Олег с некоторым трудом осознал себя. В виде призрака, посреди незнакомой комнаты. Почему именно призрака? Ну... Просто его руки были прозрачными, а ноги не касались пола. А еще рядом с ним находилось двое существ, обладающих не самой располагающей к задушевной беседе внешностью. И потому Олег продолжил орать. По инерции и от страха.

— Чего он так вопит? Заткни его! — приказал юноша или молодой мужчина, которому с равным успехом могло быть как шестнадцать, так и двадцать пять. Темноволосый, кареглазый, несколько худощавый, но в целом выглядящий крепким. Одетый в темную, почти черную одежду, сильно напоминающую смокинг. Опирающийся на деревянную ногу, словно неудачливый пират. Насколько большим был протез, определить оказалось сложно, но как минимум ступни на правой ноге у юноши точно не имелось. Еще большее сходство с морским разбойником придавало отсутствие глаза все с той же правой стороны. Но аккуратная повязка и спадающие на эту сторону лица волосы прикрывали далеко не все увечье. На лбу и щеке до сих пор виднелся грандиозный уродливый ожог, кое-где почти обнажающий кости. Создавалось впечатление, будто голову этого типа окунули в расплавленный металл или кислоту. И подержали там немного. Но было это достаточно давно, чтобы все успело хорошенько зажить и зарубцеваться. — Не зли меня! Я еще могу расторгнуть сделку!

Глава 1

О том, как герой узнает, что ситуация всегда может стать еще хуже, а также открывает для себя многие грани жизни и понимает, что ему скоро придется идти учиться

— О да, маленький смертный. Вы будете в своем праве, — насмешливо ответил знакомым Олегу голосом ужасающий гибрид переевшей стероидов саблезубой гориллы и дракона. Сгорбленная трехметровая фигура опиралась на достигающие пола передние лапы. Сквозь серую чешую клочками прорастал похожий на проволоку черный мех. Выступающая вперед крокодилья пасть с торчащими наружи кривыми клыками щерилась в оскале. Или усмешке. Рудиментарные крылья за спиной едва ли могли поднять в воздух хотя бы крупного индюка, зато хвост был тяжелым и толстым, словно бревно. Большие алые глаза без зрачка казались необычайно выразительными. Они так и источали презрение к окружающему миру пополам с самодовольством. — Могучий контракт, что держит ваша хилая ручка, дает такую возможность. Но вы всегда сможете призвать меня еще раз, дабы я выполнил взятые на себя обязательства. Или это сделает кто-нибудь другой, кто сможет воспользоваться им по праву крови.

Олег беззвучно открывал и закрывал рот, но не мог больше издать ни звука. Хотя очень хотел. Инерция недавней чудовищной боли еще смешивалась с испугом и желанием разобраться в ситуации. Парень определенно больше не находился в больничной палате. Высокий потолок, книжные шкафы вдоль стен, небольшой письменный стол, бумаги и толстенные фолианты, небрежно разбросанные по всем подходящим и неподходящим поверхностям... Выложенная черным камнем пентаграмма по всему полу. Именно в ее центре находилась странная тварь. И сам Олег. Только монстр стоял в геометрическом центре, в то время как лишенный своего умирающего тела парень висел над самым кончиком одного из лучей. А вот одноглазый и одногоногий тип находился за ее пределами, на специальной

подставочке вроде университетской кафедры, окруженной нескользкими кругами. И в руках у него действительно находилась весьма занятного вида бумажка. Толстая, шевелящаяся, периодически вспыхивающая маленьными языками пламени и не сгорающая. Ведущая в помещение дверь неожиданно вспыхнула огнем, содрогнулась, выгнулась вовнутрь... Но потом заледенела, словно облитая жидким азотом, и все-таки осталась на месте.

— Да, другой попытки мне никто не даст, — вздохнул одноглазый и устало потер свою уродливую отметину на щеке. — Придется соглашаться на тело этого хлыща... Демон, ты точно подобрал все в соответствии с заданными условиями?

— Если отклонился от них хоть на йоту, я готов стать твоим вечным рабом. Поверь, отыскать максимально похожую на тебя личность было непросто. Но когда за дело берется такой, как я, ошибки быть не может. — Голос чешуйчатой и в то же время мохнатой твари выражал бесконечную усталость от тупости тех, кто удостоился его внимания. Примерно так же мог бы говорить опытный военный, наблюдая за неумелыми попытками новобранцев разобрать автомат. При помощи молотка. — Руки-ноги на месте, лицо в меру смазливое, мускулы тренированные, длина того, что болтается между ног, в среднестатистических для представителей человечества рамках. Происхождение умеренно высокое, близких родичей нет в живых. Наследство ему досталось достаточное, чтобы ближайшие лет десять-пятнадцать не голодать. Ни один из друзей, врагов или родичей не намерен забирать его у хозяина. Ах да, еще тебе не придется привыкать к новому имени. Только к фамилии. Считай это маленьким подарком в честь заключения нашего договора.

«Тело... Он сказал, что ему придется соглашаться на мое тело?! Что он хочет с ним сделать?! И где оно вообще?! — запаниковал Олег, не ожидающий от будущего ничего хорошего. Он вновь попытался закричать или хоть как-то выразить свое несогласие... Однако та же сила, которая не давала ему произнести ни звука, весьма серьезно ограничила подвижность утратившего материальность парня. — Нет! Пустите меня! Я не хочу!»

— Олег Коробейников! — громкий и какой-то металлический голос ворвался в комнату то ли сквозь покореженную дверь, то ли прямо сквозь стены. — Дрянной ублюдок! Немедленно отключи защиту алтарной залы, или та порка, которую я задал тебе накануне, покажется лишь легкой неприятностью! С твоей спины снимут все мясо бичом, если ты немедленно мне не откроешь!

— Может, в качестве маленького подарка ты лучше сожрешь этого старого козла? — буквально прошипел одноглазый парень, с ненавистью оглядываясь на перекореженные двери. — Система защиты поместья сейчас почти бездействует в пределах нашего особняка. Тебе никто мешать не будет. Ну, кроме дяди и его ублюдочной своры, само собой. А эти бессовестные ворюги даже с несовершеннолетним инвалидом осмеливаются связываться, только упаковавшись в боевой доспех и обвесившись защитными заклинаниями.

— Это возможно, — пожала плечами тварь в пентаграмме. — Но только за дополнительную плату. Контракт в твоей руке обеспечивает выполнение лишь одной услуги. Поэтому или новая жизнь в новом мире, где никто тебя не достанет, или убийство обожаемых родственников. Выбирай.

— Малолетний сопляк! Открой немедленно! — вновь зазвучал громкий голос. — Не знаю, что ты там делаешь, но если из-за тебя придется испортить защиту алтарной залы, тебе даже училище покажется раем по сравнению с той помойкой, в которую я тебя засуну. В бордель продам! В Турцию! Для моряков басурманских, у них как раз молодые мальчики в чести!

— Ненавижу. — Одноглазый прикрыл единственный оставшийся у него орган зрения. — Как я вас всех ненавижу! Твари! Ведете себя хуже последних скотов, а после бежите в церковь, чтобы замолить свои грехи! И будете потом жировать на украденном у меня наследстве, искренне считая себя честными и добропорядочными людьми! Чего ты хочешь, отродье Бездны?

— Э... — Бьющийся в незримых путах Олег замер, удивленный тем, что непонятный изуродованный парень в черном высказал мысли, которые лишь недавно слетали с его собственного языка. Удивительным образом у них совпадали не только внешность, но и эмоции. И, кажется, проблемы в жизни. Будто кто-то из них являлся отражением в кривом зеркале, искажающем детали, но верно передающем суть.

— Того же, что и обычно в подобных ситуациях, — снисходительно пожал плечами демон, взирая на колдуна, словно меценат на умственно отсталого годовалого ребенка, умудрившегося срыгнуть прямо на дорогой костюм благодетеля. — Душу. Твою.

— Даже не смешно, — покачал головой одноглазый и вздрогнул, когда на покрытые льдом двери обрушился новый удар. — Ведь мы оба знаем, что убийство моего дяди и его прихлебателей будет тебе не в тягость, а в радость.

Превращенный в нечто среднее между предметом мебели и тваром, Олег мысленно матерился. Нет, сначала он пытался молиться... Однако самой цензурной конструкцией из священных слов, которую он смог воспроизвести в такой момент, являлось словосочетание «Аминь, блин!». Зато оно было искренним. Очень. Особен-но последнее слово. Однако никто из ангелов почему-то не спешил откликаться на душевный русский мат, спускаться с небес и поражать демона огненным мечом. Ну или иным своим штатным оружием. Впрочем, парень прекрасно понимал, что к небесам в тяжелых ситуациях взвывали и куда более достойные личности, чем он. И, как правило, большую часть хороших людей вскоре после этого хоронили.

— Неумелый маг, его жена, ребяташки, охранники и слуги. — Чешуйчато-мохнатое чудовище прикрыло глаза, словно о чем-то размышляя. — Их кровь, плоть и жизнь действительно пришлись бы мне по вкусу. Но чужих душ я хочу все же больше. Впрочем, мне ничего не помешает поработать и в кредит. Давай так: я даю тебе насладиться муками и смертью врагов, а ты будешь должен мне?

— Нет, — непреклонно покачал головой одноглазый.

— Эй, речь не о пожизненном служении! — Из голоса твари пропала большая часть снобизма и презрения. — М-м... Пять обычных жертв. В течение трех лет. Или даже большего срока. Один убитый раб в год — это очень невысокая цена, не так ли? И первым из них я согласен взять тот кусок мяса, тело которого подойдет тебе для переселения. Увы, по древним законам подобные мне не имеют возможности самостоятельно забирать души смертных. Но вот если ты сам скучешь ее, а потом отдашь мне...

— Нет, — повторно покачал головой одноглазый, вызвав у впавшего в панику Олега настоящее море облегчения. — Меня это не устраивает. Он занимает мое тело, а я — его. Все будет честно. Относительно. Я верю в принципы равновесия и не собираюсь обрекать на столь чудовищную участь кого-то, кого в первый раз вижу.

— Глупая смертная обезьяна! — раздраженно дернулся хвостом демон. — Ну почему ты отказываешься? Почему?!

Дверной косяк треснул, что-то за ним громко заскрежетало, и в помещение вновь ворвался механический голос.

— Запорю до смерти! — Теперь неизвестный оказался не просто разозлен, он буквально истекал бешенством. — Как ты включил активную защиту, поганец?! Ты хоть знаешь, сколько стоит новый автоматрон? Да у него одна голова дороже, чем весь ты целиком!

— Слишком условия хорошие предлагаешь, когда я в безвыходной ситуации, — пожал плечами одноглазый, с ненавистью взирая на держащуюся из последних сил преграду. — Обычно с тех из смертных, которые не способны оторвать голову высшему демону, ваше племя куда больше требует. Где-то точно есть подвох. Остается лишь надеяться, что он не очень большой. Все-таки контракт должен ограничивать твою свободу в плане причинения мне вреда.

«Дурак! Идиот! Блондинка перекрашенная!!! Ты зачем с демоном связался?! Он же тебя обманывает! — мысленно проорал одноглазому Олег. — Никто ничего у меня не заберет из наследства родителей, поскольку всем будет проще дождаться смерти! Что там до нее осталось-то! Недели две? Три?»

— Так, а ну-ка дай возможность мне поговорить с этим... Хм... — Парень в черном наконец заметил кривляния своего пленника. И, кажется, даже о чем-то догадался. — Ты говорил, нас одинаково зовут?

Промороженные двери разлетелись облаком быстро сгорающих щепок. А за ними стоял... Стояла... Стояло... Олег не мог однозначно классифицировать данный объект. Цилиндрическое тело, суставчатые руки и блеск заменяющей плоть бронзы принадлежали однозначно механизму. С другой стороны, на шарообразной голове каким-то образом оказалось женское лицо, выглядящее вполне живым. Одежды в виде пестренького платья роботы, наверное, не носят. Да и выдающиеся вперед на груди выпуклости однозначно указывали на пол данного существа. Вдобавок его окружало несколько плавающих вверх и вниз в воздухе светящихся колец, выглядящих как нечто, состоящее из чистой энергии.

— Регистрирую присутствие существа восемнадцатого ранга опасности. — Голос то ли женщины, а то ли андроида прозвучал очень знакомо. Примерно так же говорил тот, кто обещал продать одноглазого в бордель. Олег даже заподозрил на секунду, что попал в какое-то странное место, где роботы держат людей в рабстве. — Рекомендую вызов сдвоенного патруля, усиленного боевым священником. Отчет о столкновении с существом, внесенным в реестр особо опасных, по эфирной связи отправлен городничему.

— Чего ты несешь, убогая железяка?!

Вошедшее первым в помещение существо покачнулось и сделало несколько шагов вперед, получив мощнейший тычок в спину. А следом появился и тот, кто его нанес. Человек в гибридне рыцарского доспеха и высокотехнологичного скафандра. Серая кираса была украшена легкоузнаваемым изображением распятия, руки и ноги

прикрывали сцепленные между собой железные пластины, в паре мест бугрящиеся коробками непонятных механизмов. Голову загорелого мужчины лет сорока закрывал рыцарский шлем, от которого куда-то за спину уходил шланг противогаза. А руки цепко сжимали кнут. Видимо, тот самый, которым он грозился запороть до смерти одноглазого. Однако стоило его глазам, прикрытым стеклянными линзами шлема, повстречаться с алыми бельмами чешуйчатой твари, как мертвенная бледность разлилась по лицу вошедшего. А выпущенное из руки оружие с глухим стуком упало на пол.

— А... О... Ол-леженька... Т-ты... с-смог и-использовать н-наградн-ную п-печать о-отца? Ол-леженька, н-не делай гл-глупостей. П-пожалуйста...

Какой-то аналог динамиков, установленный в его доспехах, мог серьезно увеличить громкость этих слов. Однако, когда кто-то заикается от ужаса, его речь вряд ли будет звучать угрожающе.

— Прощай, урод. Желаю тебе сдохнуть мучительно вместе со всей семьей, что предала меня.

Если бы чувства сами по себе могли убивать, мужчина должен был оказаться разорван на мелкие кусочки ненавистью, плескавшейся в единственном глазу молодого колдуна.

— Дитя Хаоса, силой печати в моих руках, принадлежащей мне по праву крови, я призываю тебя исполнить заключенный между нами договор!

— О, должен предупредить об одной маленькой детали. — Демон широко улыбнулся, демонстрируя сотни, если не тысячи, кривых загнутых мелких клыков. — Выдрать душу из тела или вселить ее обратно — это больно. Слишком слабые смертные могут даже умереть от подобных ощущений. Ты точно уверен в своем решении?

Женщина-робот подняла руку в направлении стоящей посреди пентаграммы твари. И тут же развалилась на куски, исходящие паром, дрыгающие деталями непонятных механизмов и истекающие машинным маслом. Удлинившись в несколько раз хвост чудовища рассек ее на части так легко, будто и вовсе не встретил на своем пути сопротивления. Вскрикнул отскочивший назад мужчина, не получивший ни малейших травм, но судя по всему, перепуганный до полусмерти.

— Делай то, что я тебе приказывал, тварь! — тонко заверещал одноглазый, видимо сам до конца не уверенный в результате своих усилий на ниве демонологии. — Или нарушай этот договор и становись клятвопреступником!

— Я слышу тебя и делаю свой выбор. — Эта одна-единственная фраза, казалось, заставила замереть весь мир.

А следом Олег опять заорал от невыносимой боли, заставляющей дрожать даже самую малейшую частичку его естества. Этот кошмар парню приходилось испытывать уже второй раз за последний час, но к подобным ощущениям определенно было просто невозможно привыкнуть. Каждый новый миг агонии был абсолютно не таким, как предыдущий, и тянулся, судя по ощущениям, целую вечность.

— А-а-а! — кричал Олег, корчась на полу. Отголоски пережитого кошмара напрочь выбили из юноши способность соображать или хоть как-то реагировать на внешний мир. Даже то, что его старательно избивают ногами, парень понял далеко не сразу. Только когда ему достаточно полегчало, чтобы начать чувствовать собственные ломающиеся ребра.

— Ах ты, ведьмак поганый! Ах ты, курва! Ах ты... — Мужика в высокотехнологичных доспехах заклинило на фразе «Ах ты...». Во всяком случае, именно она предшествовала очередному эпитету, отпущенному в адрес Олега. И очередному пинку, мотавшему его легкую тушку туда-сюда. — Удушу собственными руками сученыша!

— Отвал-ли! — с некоторым трудом пробормотал заплетающимся языком парень, пытаясь закрыться руками... И — о чудо! — они его послушались. Хотя юноша уже привык к мысли о том, что до конца жизни ему придется оставаться парализованной руиной. Впрочем, закованному в железо сапогу такая преграда ничуть не помешала окончить свой путь на животе Олега.

Скривившись из-за испытываемых им болевых ощущений и царапящего во рту вкуса крови, парень стал действовать так, как учили в секции по борьбе. Далеко не все занятия там были рассчитаны только на спортивные состязания. Тренер, обучавший детей и подростков, был реалистом. И учил их действовать в том числе и в реальном бою, против куда более тяжелого и сильного противника. Намеренного убить или просто искалечить. Дождавшись, когда нога мужчины в следующий раз потеряет сцепление с полом, поднявшись в воздух для нового удара, Олег перекатился и всем телом налег на вторую опорную конечность противника. Прием оказался выполнен из рук вон плохо. Очередной пинок, пришедшийся в левое плечо, заставил что-то хрустнуть в организме парня. Да и толчок мог бы быть посильнее. Однако тут сплоховал уже сам мужчина. Он слишком долго избивал абсолютно несопротивляющуюся жертву. А когда та вдруг на него попыталась броситься, инстинктивно отшатнулся

назад. Равновесие оказалось нарушено, тяжелые доспехи тянули вниз. И балансировать на одной ноге в условиях, когда в нее еще и толкаются, стало слишком сложно.

— Кур-рва! — Мужчина замахал руками, словно пытающийся взлететь гусак с подрезанными крыльями. Однако набрать высоту у него так и не получилось. Как и сохранить равновесие. Он с лязгом грохнулся на спину и завозился, пытаясь встать. — Убью, тварь поганая!

— Сам такой! — У Олега болело все, что только могло болеть. Исключая почему-то правую ногу от колена и ниже. Да и вообще вся правая сторона тела ощущалась как-то странно, непривычно. Будто он ее отлежал. Даже глаз там почему-то упорно не желал открываться. Внезапно озаренный страшной догадкой, он схватился за лицо и тут же отдернул руку, наткнувшись рукой на бугристую корку давно зажившего ожога. — Черт... Стой, это не я!

Как оказалось, надетые латы не так уж и сильно мешают встать с пола здоровому и физически крепкому мужику. Особенно если он очень-очень зол. И уж подавно подобная персона не остановится, чтобы выслушать какие-либо оправдания и объяснения. Кулак в стальной перчатке въехал в скullу Олега и отбросил его прочь, словно нашкодившего котенка. Парня повело, и он впал в состояние нокаута, отчего и не смог оказаться какого-либо сопротивления вновь начавшемуся избиению.

— Убью, тварь! — рычал мужчина, превращая внутренности своей жертвы чуть ли не в фарш. Пару раз Олег еще пытался ему объяснить, что он ни в чем не виноват, но его просто не слышали. А может, не верили. Ведь все внимание урода в доспехах пару минут назад занимали демон и отдающий ему приказы колдун. Где уж тут заметить тихо и безмолвно висящий в уголке силуэт постороннего призрака. Или даже не призрака, а вырванной из ее родного тела души. Однако потом у Олега просто кончились силы. Их не хватало ни на защиту, ни на попытку убежать, ни даже на слишком уж громкий крик, когда рука или нога попадали по особо чувствительному месту. Например, свежеполученному перелому. — Хотел меня со свету сжечь, скотина?!

В дело пошел кнут, который мужчина подобрал с пола. И его ударами заставляли кровь брызгать в разные стороны немногим хуже, чем остро отточенное лезвие сабли. Вероятно, в скором времени впавший в бешенство урод так бы и забил Олега насмерть, поскольку совершенно не собирался миндальничать. Во всяком случае, пару

раз грузик на конце бича врезался ему в голову, чудом не проламывая костей черепа. К счастью, оба удара пришлись на изуродованную сторону лица, которая оказалась не слишком чувствительной. Олег уже подготовился умирать, однако на очередном замахе мужчина грубо прервали ворвавшиеся в помещение люди, которых так и тянуло назвать группой захвата. Черная единообразная форма, погоны, закрывающие лицо глухие маски с непроницаемым забором и шлангами противогазов. Явно готовые изрыгнуть смерть автоматаобразные конструкции в руках. Почти убивший Олега мужчина оказался сбит на пол ударами прикладов быстрее, чем осознал, что случилось. Причем, пока он падал, успел лишиться своего оружия и некоторой части доспехов. Остаток лат и одежды с него содрали уже на полу, а после обнаженному до расшитых голубенькими цветочками трусов мужчине живо сковали руки какими-то странными наручниками, всунули в рот кляп, а на голову надели мешок. Впрочем, то же самое проделали и с Олегом. Но куда более бережно и осторожно, без лишнего рукоприкладства. Да он и не думал возражать. Эти люди сразу понравились ему хотя бы тем, что не принялись с ходу его мучить. Ограничение свободы на фоне недавних потрясений можно было считать несущественной мелочью. К тому же сквозь накрывшую голову непрозрачную ткань легко дышалось и очень хорошо слышалось.

Пару минут ничего не происходило. Только ворвавшиеся в помещение люди периодически осаживали пытающегося встать или что-то бубнить сквозь кляп дядю одноглазого колдуна. Судя по звукам, делали они это прикладами. И от души. Старающийся не шевелиться, чтобы не чувствовать лишней боли, Олег мысленно накинул им еще пару баллов. За восстановление справедливости. Но потом даже та немногая возня, которую производила переминающаяся с ноги на ногу группа захвата, стихла как по волшебству. Зато в комнате появился кто-то новый, при ходьбе почти не топающий. Только громко шуршащий одеждой и слегка позвякивающий.

— Капитан, доложите обстановку, — прохрипел чей-то голос. Судя по тембру, обладателю его было лет семьдесят. Ну или он срочно нуждался в лечении больного горла экстренными методами.

— Шесть минут назад в эфирную сеть поступил тревожный сигнал от частного автоматрона. Судя по сообщению, в алтарной зале было обнаружено присутствие инопланетной сущности не ниже восемнадцатого класса опасности, — доложил командир группы захвата. Ну или кто-то, кому полагалось говорить в таких ситуациях. —